

Вырезка из газеты

ТРУД

г. Москва

3 СЕН. 1978

В ПУСТОЙ комнате перед зеркалом сидели два человека и вытворяли бог знает что. Скалили зубы, растягивали рты, щурились, морщили носы... Кинорежиссер Никита Михалков и актер Александр Калягин в грим-уборной «Мосфильма» решали, как должен выглядеть негодяй по фамилии Ванюкин — один из персонажей картины «Свой среди чужих, чужой среди своих».

Впрочем, шел поиск не только внешнего облика, но и характера. Потому что одновременно с портретом этого человека проявлялась его сущность. Представьте себе одуловатое лицо, с которого не сходит брезливо-кислое выражение, неряшливо приоткрытый рот с выщербленными черными зубами, по-красному сморщенный нос, глаза прищурены одновременно угодливо и злобно...

Почему я начала с этой роли, а не с добрейшего, славного Карла Иваныча из телевизионной постановки «Детство»? Или с мистера Пиквика, которого мы тоже видели на телеэкране в исполнении Калягина? Ведь это — прекрасные работы актера. Так же, как и «интеллигентный» мешанин Полуорлов из мхатовского спектакля «Старый Новый год». Все эти роли — и Ванюкин тоже — созданы примерно «некалягинская».

Но в этом фильме, как никогда раньше, ясно обозначилось поразительное умение Александра Калягина, а вернее, талант — притягивать к себе сюжетные и смысловые концы фильма, фокусировать в себе режиссерский замысел, даже если роль не главная.

В этом фильме прочно утвердился в стиле игры Александра Калягина способность, о которой он заявил еще раньше. Глядит зритель на экран и думает: любопытное существо. Гадкое, хищное, но несчастье. И что-то есть трагическое в этой жалкой судьбе... Что-то в ней есть непостое. Что?

Калягин побуждает зрителя задуматься о предреканной жизни своего героя.

А наметилось это умение актера в одном из первых его фильмов — «Черный принц». Калягин сыграл жулика Даниила Бийчука. Особых психологических глубин в этом образе нет — актер и не пытался их искать. Он сделал другое: дал зрителю понять, что знает о своем герое гораздо больше, чем успел сказать, только это была бы, как писал Андерсен, совсем другая история.

Помните этого Бийчука? Казалось бы, жулик — значит, ловкий, пронырливый, верткий. А тут все наоборот. Никакой суеты! О да, он ловок и хитер, но с каким внешним достоинством держится! Движется, словно несет себя, лицо выражает обиду и мольбу: «Ах, только не трагайте меня!»

Найденный оригинальный рисунок оказался интереснее того, что лежал на поверхности.

В фильме «Ярослав Домбровский» Александр Калягин полностью раскрыл дар притягивать к своему герою внимание и воображение зрителя. Здесь самый сильный магнит — глубина и сложность характера.

Вот что Александр Александрович рассказал мне о работе над ролью полковника Тухолко в советско-польском фильме «Ярослав Домбровский».

— Меня пригласили на другую роль, но я очень хотел сыграть полковника. Желание мое исполнилось, меня утвердили, но началось съемки, и я вижу — играть мне нечего. Снимается сцена, где Тухолко допрашивает Домбровского. Я ее видел как дуэль равных по уму противников, а режиссер видел одного Домбровского. Но мне нравилась моя роль! Я хотел сыграть умного динника, который прекрасно понимает людей, принимавших участие в восстании. Но понимает и другое: восстание надо подавить, и его, полковника Тухолко, миссия именно в этом. Он чувствует, что Домбровский — личность незаурядная, и предвду-

шает психологическую игру. Так вот на репетиции режиссер сделал так, что всего этого в сцене не оказалось. И вот уже должна прозвучать команда «Внимание! Мотор!», а я в панике думаю: «Зачем здесь я?» Команда прозвучала, а я вдруг говорю: «Минутку!» И начинаю разбирать сцену с позиции полковника Тухолко. Объясняю режиссеру, что выгодно мне, и он со мной соглашается.

На всепольском кинофестивале фильм «Ярослав Домбровский» принес Александру Калягину приз за лучшее исполнение мужской роли.

На сцене МХАТа в спектакле «Заседание парткома» актер играет диспетчера Фроловского. На протяжении почти всего спектакля этот человек молчит. И тем не менее

сложную гамму чувств вызывает Платонов у Чехова. И у зрителя. Зрителю ее — во всем богатстве оттенков — передает исполнитель роли Платонова Александр Калягин. Даже самые на первый взгляд незначительные бытовые сценки экранной жизни Платонова работают на одну из главных задач актера и фильма: показать загубленную судьбу незаурядного человека.

Вот сцена первой — после долгих лет — встречи Платонова и Софьи. «Я — учитель, — говорит Платонов. — Университета не окончил». Он говорит легко и спокойно, как человек, не выходящий в этом ничего для себя обидного. Но внешность его — лицо, фигура — тоже говорит, и нечто совсем иное!

ТАКИЕ РАЗНЫЕ РОЛИ

Фроловский живо участвует в острой дискуссии. Молча, внутренне, но так, что внимание зрителя даже в моменты наивысшего напряжения диалога «Потапов — Батарцев» то и дело скачками переключается на Фроловского.

Актер снова — и иными уже средствами — продемонстрировал свой метод: загадывать зрителю загадки, увлекать его все дальше в глубь психологии своего героя.

В фильме «Раба любви» Калягин сделал роль одной фразой. И вновь выступил как мастер подтекста. Емкого, вмещающего мысль всего фильма.

Он играет кинорежиссера, которого зовут тоже Александр Александрович Калягин. Отдалившись от событий, потрясающих мир, он мается от безделья, от пустоты, от безнадежности. Вот он сидит в кресле, вернее, полулежит, расслабленно, уронив подбородок на грудь. И лениво, ни к кому не обращаясь, говорит: «Есть хочется, худеть хочется, все хочется...» Вроде бы ничего не значащие слова.

Но они на самом деле значат очень много. Это говорит человек, которому очень плохо, который как творческая личность медленно умирает.

Актер делает так, что мы не только понимаем идею фильма, мы ее чувствуем, впитываем.

Я упомянула лишь несколько ролей Александра Калягина. А их за 13 лет у актера набралось более 40 — в кино, в театре и на телевидении. Я же остановилась лишь на тех работах, которые, как мне кажется, «вымостили» его путь к фильму «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Через образ Платонова прошел нерв всего фильма. Мысли, выстраданные Чеховым и прочитанные Никитой Михалковым, оживают в Платонове — в его судьбе, в его словах, голосе, глазах. В поведении на экране актера Калягина. Здесь в равной степени работают и его умение играть ярко, хлестко, почти эксцентрично, и его владение полутонатами. Переходы, а вернее перелеты, от одного стиля к другому неуловимы, как того требуют и язык Чехова, и тональность фильма Никиты Михалкова.

К Платонову Чехов относится неоднозначно. Сначала герой кажется чуть ли не Чацким, лишь постепенно мы разочаровываемся в нем. В какой-то момент начинаем даже ненавидеть. Но и сочувствуем. Наше презрение к нему смешано с жалостью. Он злит нас, но злость окрашена горечью. А наша снисходительность рождена не только непосредственной реакцией, но и раздумьем. Сложную, очень

одно из самых сильных выразительных средств кино — «речь» человеческого лица. У Калягина эта речь необычайно богата.

Вначале кажется, что Платонов счастлив со своей милой глупенькой женой. Но вот, увидев пианино, которое само играет, Сашенька падает в обморок. Когда проходит испуг, все умиляется детской наивности милого существа. К ней подходит муж, кажется, он хочет ее успокоить. Но нет, совсем нет. «Надо дома сидеть, дома сидеть, а не по гостям ходить!» — говорит он. И такая в этих словах и в глазах угроза — тихая угроза льва, готового прыгнуть, такая затаенная, застарелая ненависть — страшно!

А когда она прорывается, Платонов и трагичен, и смешон. Это бунт бессильного, ярость погрузившегося в трясины.

О заключительной сцене фильма много писали, я не буду на ней останавливаться. Скажу только, что внешне, соразмернее соединить трагедию и фарс, пожалуй, невозможно.

Калягин — актер полного перевоплощения. Но есть у него одна работа, в которой он порой как бы выглядывает из-за образа. Это телевизионная постановка «Гаргантюа и Пантагрюэль». Все-таки не чтение, а именно постановка. Меняя маски различных персонажей, артист не разбивает свое присутствие на экране на отдельные номера, не превращает его в концерт. Он выходит из образа, скажем, монаха, для того, чтобы через несколько секунд стать студентом, но в промежутке входит в новый образ — рассказчика. Человека, который знает цену и себе, и своим героям, который отлично понимает, что сказал нечто оригинальное, остроумное, ироничное. Он понимающе улыбается зрителю, как равно умному собеседнику, до которого, он уверен, дойдет шутка. Он испытывает радость общения и когда рассказывает нам интересную историю, и когда, заканчивая ее, молчаливо — взглядом, жестом — комментирует. Кто этот рассказчик, которого изображает артист? Рабле? Или придуманный артистом третий образ? Скорее всего, и то, и другое, но и личность артиста — она тоже на экране.

После съемок «Неоконченной пьесы...» Калягин прочитал 15 сценариев и отложил их в сторону. Потому что везде увидел повторение уже сделанного. А согласился он на роль архитектора в двухсерийном фильме режиссера А. Смирнова «Верой и правдой». Съемки уже идут. Предстоит актеру и новые роли в театре.

Е. БЕЛОСТОЦКАЯ.